ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

КАФЕДРА НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

ГЕНДЕР КАК ОБЛАСТЬ-ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ В ПРОЦЕССЕ ОЦЕНОЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профиль Иностранный язык (первый, второй),
очной формы обучения, группы 02051309
Тарутиной Алисы Александровны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Скокова Т.Н.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Проблема гендера и способов его выражения в современном немецкоязычном дискурсе 6

1.1.Проблема гендера как социальной категории и её отражение в лингвистике 6

1.2.Проблема гендера в современном немецкоязычном дискурсе 13

Выводы по ГЛАВЕ I 18

ГЛАВА II. Оценочные категоризации в немецком языке 20

2.1. Понятие оценочной категоризации 20

2.2. Специфика и особенности выражения оценки в немецком языке 23

2.3. Роль гендера при формировании оценочных суждений в немецком языке 30

Выводы по ГЛАВЕ II 36

ГЛАВА III. Роль гендера в формировании концепта «Schönheit» в немецкоязычном художественном дискурсе 38

3.1. Гендерные представления о красоте человека в современном немецкоязычном сообществе 38

3.2. Гендерная специфика при репрезентации концепта «Schönheit» в художественном дискурсе 43

Выводы по ГЛАВЕ III 53

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **55**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ **58**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ **63**

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА **64**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Процесс оценки является сложным и многоплановым явлением, так как он неразрывно связан с мыслительными процессами человека. Объект оценки должен быть не только воспринят, но и пропущен через призму существующих в обществе аксиологических установок, а также сопоставлен с личными представлениями человека. В результате такой обработки человек упорядочивает свои суждения об объекте, определяя его в те или иные рубрики своего сознания, и классифицирует его в системе категорий. Репрезентация результатов процесса оценки возможна лишь в речевой деятельности посредством определённых языковых средств. Выбор языковых средств при формировании смыслов зависит от целого ряда факторов: от отношения оценивающего к предмету оценки, от условий речевой ситуации, от особенностей данного языка и др.

В современной лингвистике прослеживается склонность к антропоцентризму, различные языковые явления рассматриваются с позиции взаимосвязи понятий «язык» и «человек». Оценочная категоризация, с этой точки зрения, вызывает большой интерес, так как, во-первых, природа оценки соответствует природе человека, а во-вторых, человек сам очень часто является объектом оценки. Определяя, какие факторы играют существенную роль при оценке тех или иных качеств человека, выясняется, что формирование оценочных суждений зачастую строится на гендерных стереотипах, закрепившихся в языке. С гендерной позиции, наличие или отсутствие одних и тех же признаков может по-разному трактоваться для представителей разных полов. Таким образом, вопросы гендера играют важную роль при формировании оценочных суждений.

Вопросами оценочной категоризации и гендерной лингвистики по отдельности занимались многие исследователи. Самостоятельно рассматривались механизмы формирования оценки с точки зрения лингвистики, философии и психологии. Вопросы гендерной идентичности и распределения гендерных ролей также интересовали многих социологов, психологов, культурологов и лингвистов. Однако вопрос о роли гендера при формировании смыслов в процессе оценочной категоризации является недостаточно разработанным, что и определяет **актуальность** нашего исследования.

Объектом исследования является гендер и его роль в процессе оценочной категоризации.

Предметом исследования являются языковые средства выражения оценочной категоризации и влияние гендера на формирование смыслов.

Цель настоящей работы заключается в определении механизмов выбора языковых средств при формировании смыслов в процессе оценочной категоризации под влиянием гендерных стереотипов.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить, как социальная категория «гендер» отражается в лингвистике и какую роль это явление играет в современном немецком языке.

2. Изучить специфику оценочной категоризации и определить особенности выражения оценки в немецком языке.

3. Установить роль гендера при формировании оценочных суждений в немецком языке.

4. Изучить влияние гендера на формирование смыслов в процессе оценочной категоризации в немецком художественном дискурсе (на примере концепта «Schönheit»).

В качестве **теоретической базы** выступают исследования вопросов оценочной категоризации М.А. Арской, Н.Н. Болдырева, Е.В. Дзюбы, О.А. Дормидонтовой, Н.М. Зайнулиной, Г.И. Иваниной, Т.В. Куклиной, Е.С. Семухиной и др.; а также положения гендерной лингвистики, разработанные

в трудах И.Б. Васильевой, В.М. Войченко, И.С. Кона, Л.А. Кремер, И.Г. Серовой, М.А. Шаманской, A. Hornscheidt, M. Schipper и др.

Фактическим материалом для исследования послужили примеры, полученные методом сплошной выборки из художественных произведений немецких писателей, а именно: «Die Vermessung der Welt» (D. Kehlmann), «Der Vorleser» (B. Schlink), «Das Parfum» (P. Süskind) и др.; данные немецкоязычных словарей; информационные ресурсы сети Интернет.

В рамках исследования применялся комплекс **методов**, включающий метод сплошной выборки, анализ словарных дефиниций и концептуальный анализ.

Апробация работы. В рамках студенческой конференции был сделан доклад по теме «Роль словообразовательных элементов в формировании эмоциональных оценок мужских и женских образов».

Структура и содержание исследования определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Проблема гендера и способов его выражения в современном немецкоязычном дискурсе

1.1. Проблема гендера как социальной категории и её отражение в лингвистике

С современном дискурсе гуманитарных наук важную роль играют гендерные исследования. Особое изучение роли полов в организации и развитии жизни общества и выражение этой роли в искусстве, философии, языке служат лучшему пониманию процессов функционирования социума.

Термин *«гендер»,* возникший в начале 60-х гг. прошлого столетия, произошёл от латинского «*genus*» *(‘вид’, ‘род’)* и первоначально выступал грамматической категорией для систематизации «синтаксического согласования языковых единиц» (цит. по Васильева, 2007: 71). Но уже в 70-х гг. благодаря активному развитию западного феминистического движения термин приобрёл новое значение. Теперь его целью было принципиальное разграничение природных, анатомо-физиологических характеристик мужчин и женщин от характеристик, обусловленных их социальными ролями в обществе.

Гендерная идентичность, как определял ее И.С. Кон, – это «базовое, фундаментальное чувство своей принадлежности к определённому полу, осознание себя мужчиной, женщиной или существом какого-то другого “третьего пола”» (цит. по Мелков, Кудрина, 2016: 166). Гендер нельзя отнести к врождённым качествам человека, так как гендерная идентичность формируется в сложном взаимодействии лишь некоторых природных задатков со сложным процессом воспитания и социализации личности индивида.

Понятие о гендерной идентичности формируется в сознании индивида как о себе самом, так и об окружающих его людях. С этой позиции гендерная

идентичность выражается в наших представлениях о мышлении, чувствах, внешности, обычаях и нормах поведения в контексте пола.

В любом обществе существует разделение людей на женщин и мужчин, основным критерием которого являются определённые анатомические особенности. Уже с самого появления человека на свет его причисляют к той или иной группе.

Согласно ряду исследований, результаты которых затрагиваются в статье И.Б. Васильевой, первое, что мы отмечаем при знакомстве с новым человеком – мужчина это или женщина. Данная селекция проходит совершенно неосознанно, но бескомпромиссно. Отсюда можно сделать вывод, что самые первые гендерные представления формируются на основе наиболее явных признаков, воспринимаемых визуально. В подтверждение в статье приводится статистика, что 80% детей в возрасте двух лет могут отличить с уверенностью мужчину от женщины, лишь опираясь на внешние маркеры, такие как причёска и стиль одежды (Васильева, 2007: 72).

В зависимости от того, к какой гендерной группе будет отнесен индивид, зависит то, в рамках каких социальных установок и стереотипов он будет дальше рассматриваться.

А.В. Перегудина в исследовании особенностей возрастного становления гендерной идентичности (Перегудина, 2010) отмечает, что уже в дошкольном возрасте формируются первичные представления о поле в рамках гендерной идентичности. Старший дошкольник уже в состоянии определить не только свою гендерную принадлежность, но и гендерную принадлежность большинства людей. Исходя из этого дети «приобретают склонности играть с представителями своего пола в полоспецифичные игрушки и игры» (Перегудина, 2010: 307). Дети имеют представления, как должны вести себя девочки и мальчики, какие занятия принято считать женскими, а какие мужскими и т.д. Более того, у большинства дошкольников формируется представление о девочках, как о чём-то «хорошем», мальчики, в свою очередь представляются, как нечто «плохое».

Если в дошкольном возрасте дети, в основном, самостоятельно пытаются установить основы гендерных различий, то в младшем школьном возрасте они впервые сталкиваются с тем, что к мальчикам и девочкам выдвигаются различные требования, взрослые ждут от них разных результатов.

В подростковом возрасте можно наблюдать склонность к «андрогинному типу идентичности» (Перегудина, 2010: 308), который выступает своеобразной формой «гендерного протеста». Однако уже к началу юношеского возраста в сознании происходит закрепление «мужских» и «женских» стилей поведения, принятие гендерных ролей, заданных обществом.

Общество институализирует гендер: роли и характеристики, отводимые представителям разных полов, закрепляются посредством традиционной модели семьи, посредством образования, религии и даже посредством системы государственных законов. В результате этого формируется взаимное влияние общества и гендера.

Язык является одним из наиболее значимых средств фиксации социально-культурных установок в обществе, а в некоторых случаях выступает как средство программирования общества на те или иные установки.

Говоря о проблемах лингвистики, связанных с гендерными исследованиями, можно выделить два основополагающих вопроса:

1. Существует ли и в чём выражается разница между «языком женщин» и «языком мужчин»?
2. Как в языке отражаются гендерные стереотипы в отношении мужчин и женщин?

Согласно Е.И. Горошко и О.А. Колосовой, существует три основных подхода в изучении различий «мужского» и «женского» языка. Ряд исследователей в качестве первопричины различий определяет такой фактор как положение на ступенях социальной иерархии. Приверженцы другого

направления делают упор на когнитивный аспект. Третий – социопсихолингвистический подход – рассматривает не столько «мужской» и «женский» языки, сколько особенности языкового поведения полов (цит. по Голубева, 2009: 5).

Однако лишь в совокупности эти подходы могут приблизиться к относительно точному объяснению существующих различий языка женщин и мужчин.

Чтобы установить сущность различий, следует изучить так называемые языковые гендерные маркеры, которые проявляются практически на всех уровнях языка.

Начиная с фонетико-фонологического уровня, следует учитывать, что звучащая речь характеризуется не только лингвистическими (чисто фонетическими), но и экстралингвистическими признаками: голосом и просодикой. Так, С. Моосмюллер рассматривает физиологические особенности строения артикуляционного аппарата и делает ряд выводов. В среднем женская гортань меньше, чем мужская, голосовые связки короче, и, следовательно, частота колебаний, которую мы воспринимаем в звуковой форме, выше. Также длина женского вокального тракта короче мужского, благодаря чему выше и частота резонанса. Длинные же связки производят более низкие тона, а значит, в среднем мужчины обладают более низким голосом (цит. по Голубева, 2009: 7).

Таким образом, в соответствии со сложившимся стереотипом женская речь должна звучать более высоко, дольше сохранять тональность. В добавок к этому, при имитации женской речи говорящие часто используют придыхание, которое также можно считать стереотипным. Кроме того, женский интонационный рисунок принято считать более богатым и выразительным. С сильным интонированием, в свою очередь, связывают сильную эмоциональность, также приписываемую женщинам.

Стереотип о большей, в сравнении с мужчинами, женской эмоциональности подкрепляется также и на лексическом уровне. А.В.

Маслова выявила, что женскую речь характеризует более частое употребление эвфемизмов, метафор, эпитетов и сравнений. В женском словарном запасе больше слов, описывающих чувства и эмоции. В речи женщины больше сложных прилагательных, наречий и союзов. Кроме того, в речи женщины чаще встречаются конкретные существительные, а в речи мужчины – абстрактные. В то же время мужчины чаще пользуются глаголами в активном залоге, а женщины – в пассивном (цит. по Войченко, 2009: 68).

Что касается «женского» лексикона в целом, то он, по мнению Н.В. Белой, меньше «мужского», состоит в основном из устоявшейся, более общеупотребительной лексики, в то время как мужчины чаще используют неологизмы, архаизмы или же профессионализмы (Белая, 2009: 98).

Что касается морфологического уровня различий, то большинство гендерных исследований касались диминутивов. В работе А.А. Буряковской и Ю.Н. Звонаревой указывается, что стереотипы о преобладании использования уменьшительно-ласкательных суффиксов в женской речи, по отношению к мужской, подтверждена научными исследованиями (Буряковская, Звонарева, 2011). Однако известно большое количество случаев, когда в силу воспитания, выполнения какой-либо профессии или других факторов границы «мужского» и «женского» языков настолько смещались, что при анализе их признаки скорее относили для представителей противоположенного пола.

Для ответа на вопрос, какие же гендерные серотипы закреплены в том или ином языке, необходимо обратиться к культурному пласту, передающему представления носителей языка о критериях «женственности» и «мужественности». «В частности, пословицы и фольклор содержат в себе застывшие осмысления, сложившиеся на протяжении длительного времени и передающиеся из поколения в поколение» (Климова, 2017: 15). Данный пласт имеет огромный потенциал благодаря тому, что в нем легко отслеживаются гендерные стереотипы, принимающие участие в формировании мировоззрения.

При этом, такая закреплённая в языке стереотипизация является не «чистой», объективной, а тесно связана с оценочными суждениями и представлениями о моделях поведения представителей того или иного пола. «Мужские и женские образы, представленные в пословицах, являются многоплановыми, то есть состоят из нескольких уровней (природно-физический, психологический и социоэтнический), которые, в свою очередь, разбиваются на так называемые фреймы – абстрактные образы для представления некоторого стереотипа информации» (Климова, 2017: 15).

Художественные произведения также можно использовать для анализа гендерных стереотипов. Однако стоит учитывать, что некоторые модели внешности и поведения отдельных представителей обоих полов могут отражать не устойчивые представления, закреплённые в обществе, а являться индивидуальным, авторским представлением.

Как уже говорилось раньше, гендерные стереотипы представляются в рамках оппозиций «мужское» – «женское». М.Н. Шевченко в качестве традиционно выделяемых бинарных оппозиций называет «логичность – интуитивность», «абстрактность – конкретность». Кроме того, для мужчин характерна инструментальность, ориентированная на цель, женщинам же присуща экспрессивность в проявлении эмоций. Также М.Н. Шевченко выделяет такие оппозиции как «власть – подчинение», «порядок – хаос», «независимость/ индивидуальность – близость/коллективность», «сила – слабость», «импульсивность/активность – статичность/пассивность», «неверность – постоянство» и т.д. Первый член данной оппозиции относится к группе «мужских» представлений, второй, в свою очередь, характеризуется как «женский».

Бесспорно, что гендерные стереотипы охватывают множество явлений. Чтобы их систематизировать, И.В. Клецина выделяет три наиболее значимые группы (цит. по Шевченко, 2010: 175):

- бинарная оппозиция «маскулинность-феминность»;

- закрепление профессиональных и семейных ролей в соответствии с полом;

- различия в содержании труда.

Кроме того, непосредственно сам язык, его структура и принципы функционирования тоже способны рассказать об особенностях гендерного положения в обществе. Ряд ученых, среди которых немецкая исследовательница Марлис Хеллингер, обвиняет все исследованные языки в сексизме (цит. по Голубева, 2009: 8). В основе данных явлений языкового сексизма лежит гендерная асимметрия. Одним из её главных проявлений сторонники феминистической лингвистики называют отождествление понятий мужчина и человек. Это особо чётко прослеживается на лексическом и морфологическом уровнях. Например, словарная форма прилагательных выражена мужским родом. Да и в ряде языков само слово «мужчина», совпадает лексически со словом «человек» (ср., нем. *der Mann,* англ. *an,* франц. *homme*). Кроме того, гендерная асимметрия проявляется в том, что языковая норма «гендерно не нейтральна, иерархична и несёт в себе оценочные категории» (Хачак, 2013: 133). Здесь, в первую очередь, подразумевается, что большинство существительных, обозначающих женские профессии, являются производными от мужских. При этом, использование мужского обозначения к женщине-адресату допустимо, в то время как использование женского профессионального обозначения в отношении мужчины несёт негативную коннотацию. Подобное разделение языка на мужское и женское отражает реальную гендерную асимметрию, сложившуюся в обществе.

И всё же стереотипы выполняют в повседневной жизни важную роль и применяются, в первую очередь, в типичных ситуациях, когда для анализа информации нет необходимости прикладывать особые усилия. Это своего образа «языковая экономия» и «экономия мышления», благодаря которым человек может обрабатывать большее количество информации при постоянно увеличивающемся темпе жизни.

Не следует также забывать, что гендерные стереотипы служат для защиты групповых ценностей и культурно-исторического опыта, объясняют и регламентируют социальные отношения.

1.2. Проблема гендера в современном немецкоязычном дискурсе

На протяжении многих лет учёные пытаются выявить проблему взаимосвязи языка и закреплённых в нём гендерных стереотипов. Для немецкого языка, как и для большинства других языков, безусловно то, что бинарные оппозиции «мужчина» и «женщина» остаются неделимы друг от друга: *Jeder Hans findet seine Grete; Mann und Weib sind ein Leib.* Однако ключевым остаётся вопрос, в каком отношении взаимодействуют эти оппозиции.

Значительный вклад в изучение особенностей гендера в немецком языке внёс ещё Я. Гримм. Обращаясь к роду как к языковой категории, лингвист доказывал взаимосвязь языка и действительности. Критерии, лежащие в основе различий мужского, женского и среднего грамматических родов, он пытался объяснить посредством метафоры:

«Das masculinum scheint das größere, festere, sprödere, raschere, das thätige, bewegliche, zeugende, das femininum – das spätere, kleinere, weichere, stillere, das leidende, empfangende; das neutrum – das erzeugte, gewirkte, generelle, unentwickelte, collective» (цит. По Кремер, 2017: 280).

Помимо сопоставления с грамматическими категориями, проблема гендера затрагивалась также и в отношении с риторикой. Одним из первых трудов в этом направлении можно считать «Thesen zu einer feministischen Rhetorik» Р. Венске, книгу по риторике «Feministische Linguistik – linguistische Geschlechterforschung. Ergebnisse, Konsequenzen, Perspektiven. (Germanistische Linguistik)» Г. Шёнталь, а также статью «Personenbezeichnungen im Deutschen

als Gegenstand feministischer Sprachkritik». Следует отметить, что рассмотрение особенностей процесса женского речевого поведения осуществляется в рамках феминистической лингвистики, связанной также с именами Л. Пуш, З. Трёмель-Плётц и др.

Большую часть XX века можно было говорить наличии в немецком языке ярко выраженной гендерной асимметрии, которая выражается в том, что «женский» язык воспринимается как отклонение от «мужской» нормы. Об этом свидетельствуют такие высказывания немецких лингвистов как: «Schon Jespersen hat 1923 Männer- von Frauensprachen «wissenschaftlich» unterschieden, wobei Frauensprachen in der Regel als eine Abweichung von einer unbenannten Norm dargestellt werden» (Hornscheidt, 2009: 226).

В основе подобных взглядов на «женский» язык, как на отклонение от «мужского», лежал сложившийся патриархальный уклад немецкой культуры.

Исследования о лексической сочетаемости средств репрезентации гендера показали, что наиболее частотные определения, выступающие в связи со словом *«Mann» - stark / starkes Geschlecht, groß;* в то время как со словом *«Frau» - schön, weiblich, emotional* (Шаманская, 2012: 47).

В вопросе семейного положения в словарях приводятся следующие атрибуты к слову *«Frau»* по отношению к мужчинам: *eine passende (richtige) Frau für jmdn., eine Frau mit Vergangenheit.* Аналогичные сочетания со словом *«Mann»* не фиксируются в словарях.

Богатым источником, в котором максимально точно и полно сохранились стереотипы о гендерном разделении в обществе являются, как уже говорилось ранее, пословицы. Немецкая лингвистка М. Шиппер проанализировала пласт пословиц о женщинах и провела дискурсивный анализ паремий о женщинах в разных языковых культурах.

Именно в пословицах сохранились признаки патриархального уклада Германии, сохранявшиеся до середины прошлого столетия: *Wer sein Weib schlägt, dem bessert Gott die Nahrung; Weiber und Pferde wollen geschlagen sein.*

Данные языковые явления с одной стороны сохраняют, а с другой в некотором роде даже программируют отношение к женщине, как к носителю отрицательных качеств: хитрости *(Die Frauen sind die schlauen),* болтливости (*Bei den Weibern ist des Schwatzens hohe Schule),* глупости *(Die Weiber haben langes Haar und kurzen Sinn).*

При этом в большинстве пословиц не представлен женский взгляд на вещи, гендерное авторство данных высказываний несложно установить: *Wein und Weib machen den Weisen zum Hitzkopf.*

М. Шиппер подчёркивает, что пословицы не отражают объективную реальность, а скорее моделируют, программируют её, так как в большинстве своём выражают мужской взгляд на представление об идеальных и реальных женщинах (Schipper, 2006).

Не только в рамках исследования фольклора, но и анализа актов живых речевых коммуникаций ведутся исследования в области гендерной лингвистики. Одна из основоположниц феминистической лингвистики в Германии З. Трёмель-Плётц, анализируя различные телевизионные дискуссии, пришла к следующим выводам. Мужчины, по её наблюдениям, чаще являются инициаторами дискуссии, определяют тему, чаще перебивают женщин – осуществляют тем самым контроль над ходом всей дискуссии. Женщина, в свою очередь, должна бороться за право высказаться, ей сложнее быть услышанной, когда она начинает беседу (Кремер, 2017: 281).

Анализируя выводы, к которым пришла З. Трёмель-Плётц и другие исследователи, Л.А. Кремер представила диаграмму стереотипов, где наглядно показывает разницу речевого поведения мужчин и женщин по четырнадцати критериям («Рис. 1.1»).

В качестве наиболее значимых различий лингвист выделяет критерий вежливости со стороны женщин и критерий доминирования среди мужчин. Женская вежливость проявлялась, например, в гораздо более частом употреблении таких вежливых языковых форм, как *«Danke»* и *«Bitte»* (параметр 11), а также было замечено, что женщины в два раза больше

извиняются (параметр 12). К стереотипу мужского доминирования относится подчёркивание силы и законности аргументирования (параметр 3). 52% мужчин заявили, что в ходе диалога они обязательно подчёркивают силу собственной точки зрения. Напротив, большинство женщин (42%), считают, что часто ослабляют свои утверждения (параметр 4), например, такими конструкциями, как «*das ist nur so eine Idee von mir*», «*Es scheint, dass…*», «*ich glaube…*», «*irgendwie*», «*oder so*», «*eigentlich*» (Кремер, 2017: 284).

Рис1.1. Стереотипы мужского и женского речевых поведений (по Л. А. Кремер)

После проведения гендерных исследований немецкий язык начал претерпевать ряд изменений. В качестве «гендерно справедливых» UNESCO в 1993 г. были рекомендованы следующие формы в немецком языке (цит. по Филиппова, 2015):

1. Дополнительные упоминания женщин, посредством уточнения при написании: *Lehrer/Lehrerinnen* или *Kameramann/Kamerafrau.*
2. Избегание употребления существительного *Mann,* замена его существительными *Mensch, Person, Leute,* а также причастиями и субстантивированными прилагательными, и существительными с собирательным значением
3. Употребление определительного местоимения *alle* вместо *jeder,* личных местоимений *ich, du, wir, Sie,* а также пассивных конструкций вместо неопределённо-личного *man.*
4. Введение местоимения *frau* в контексте, связанном с женщиной.

Еще один вариант гендерно корректной формулировки – использование имени прилагательного в качестве уточняющего признака перед определяемым существительным вместо зависимого существительного мужского рода после: *ärztlicher Rat* вместо *Rat des Arztes.*

Помимо собственно лингвистических изменений, происходит и изменение в общественном сознании, связанное со сдвигом положения женщины в обществе и постепенным нивелированием патриархального уклада. Данная тенденция фиксируется в таких сочетаниях, как *emanzipierte, moderne Frau* и т.д.: *«...dass es schon recht couragierte Frauen sind, die den Mut haben, zu ihren Wünschen zu stehen».*

Хотя на данный момент рано ещё говорить о результатах реформирования современного немецкого языка с гендерной точки зрения, нельзя не отметить положительную динамику и неугасающую актуальность гендерного вопроса.

Выводы по ГЛАВЕ I

Целый ряд гуманитарных наук так или иначе затрагивает вопросы гендерных исследований, и лингвистика здесь не является исключением.

В рамках гендерной лингвистики исследователи выделяют «мужской» и «женский» языки, разнообразные маркеры которых можно прослеживать практически на всех языковых уровнях. В качестве причин данных различий исследователи называют биологические основания (анатомическое строение организма, гормональный фон), разность когнитивных процессов (большая активность разных мозговых полушарий), социальное положение представителей обоих полов на иерархической лестнице.

Непосредственно в самом языке также отражаются гендерные стереотипы его носителей, их легко проследить на лексическом уровне, проанализировав сочетаемость различных атрибутов в существительными, обозначающими мужчин и женщин. Большим исследовательским потенциалом здесь обладает пласт пословиц.

Сторонники феминистической лингвистики обвиняют современные языки в гендерной асимметрии. В немецком языка подобная асимметрия проявляется в отождествлении существительных «мужчина» и «человек», в использовании грамматических форм прилагательных, выраженных мужским родом в качестве нейтральных, в образовании большинства обозначений наименований женских профессий от мужских, а не наоборот. Кроме того, ряд пословиц закрепляет в языке представление о женщине как о чем-то «плохом», а приписывание женских качеств мужчине несёт в себе негативную оценку. Напротив, присвоение женщине мужских качеств даже возвышает её.

В рамках исследования речевого поведения мужчины также занимают доминирующее положение, в то время как женщине сложнее быть услышанной. Тем не менее, современные тенденции ведут к постепенному сглаживанию гендерной асимметрии в немецком языке, всё чаще встречается

использование существительных с обобщающим значением, субстантивированные существительные или причастия вместо существительных мужского рода, а в некоторых случаях идёт дополнительное указание на представительниц женского пола.

ГЛАВА II. Оценочные категоризации в немецком языке

2.1. Понятие оценочной категоризации

С древнейших времен человечество пыталось постигнуть сущность ментальных операций, связанных с накоплением, обработкой, хранением и воспроизведением знаний в определённой знаковой форме. Сначала этот вопрос затрагивался в рамках философии, позднее перешёл в области психологии, лингвистики, социологии и ряда смежных наук.

В процессе изучения объектов и явлений окружающего мира человеку приходится структурировать его определённым образом в своём сознании. В большинстве случаев упорядочение проходит на основе черт сходства или различия для тех или иных предметов или явлений. За счёт этого наши знания о мире классифицируются в виде системы категорий. В свою очередь, «процесс упорядочения полученных знаний, распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является» получил название – ***категоризация*** (Дзюба, 2015: 40).

На данный момент не существует единого подхода к пониманию процесса категоризации. Ряд учёных придерживается мнения, что категоризация непосредственно связана с языком, а в основе классификации предметов и явлений лежит так называемая лингвистическая конвенция. То есть, в процессе классификации человек оперирует уже сложившимися в языке определениями и терминами. Другие же учёные отмечают, что процессы категоризации не обязательно связаны с языком, а лишь отражают существующие в природе закономерности (Семухина, 2016: 31).

Если обратиться к трудам Аристотеля, то можно увидеть, что философ определял категории как чётко ограниченные структуры с постоянным

набором признаков. Категория, по Аристотелю, «не допускает большей или меньшей степени» (цит. по Дзюба, 2015: 44) или двойной интерпретации, а это значит, что каждый элемент данной системы должен в равном количестве обладать всеми признаками, характерными для этой системы. Однако в таком случае многочисленные явления пограничного или переходного остаются за рамками определённой категории, так как не могут в абсолютной мере соответствовать всем её требованиям.

Именно поэтому большинство учёных сходится в том, что для изучения сложных и абстрактных явлений и процессов, таких как, например, взаимосвязь языка и мышление, наиболее актуален прототипический подход. Своё начало данный подход берет в работах Л. фон Витгенштейна и Э. Роша. Основополагающим здесь является тезис о том, что не все члены категории могут обладать одинаковым набором признаков, благодаря чему процесс категоризации может протекать не чётко, а пограничные явления могут быть соотнесены сразу с несколькими категориями. В качестве прототипа, «лучшего представителя» своего класса выступает *концепт* – базовая единица, несущая «комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного явлению или предмету» (цит. по Дзюба, 2015: 41).

Говоря о категоризации непосредственно языковых явлений, следует упомянуть, что Н.Н. Болдырев выделяет три системы категоризации в языке: лексическую, грамматическую и модусную. Лексические категории соотносятся с номинативной функцией языка; они основаны на чувственном восприятии мира и отражают категоризацию естественных объектов. Грамматические категории базируются на абстрактном мышлении и являются собственно категориями языка, они отражают деление на естественные для языка подсистемы, обеспечивающие его существование и выполнение возложенных на него функций. Модусные категории, которые также можно назвать интерпретирующими, основаны на речемыслительной деятельности и

связаны «со вторичной обработкой полученных знаний в рамках индивидуальных концептуальных систем» (Болдырев 2012: 19).

По мнению исследователей, этот тип категоризации реализуется в существовании таких языковых категорий: отрицание, аксиологические (собственно оценочные) категории, категории аппроксимации, эвиденциональности, экспрессивности и др.

Оценочные категории рассматриваются как особый формат языкового знания, возникающий в пространстве языка, непосредственно связанный с вербальным общением и вне этого пространства не существующий. «Их появление обусловлено необходимостью вербального общения. Поэтому их нельзя отнести к собственно лексическим, лексико-грамматическим или грамматическим категориям. В то же время они создаются именно языком с целью соответствующей интерпретации или оценки информации в процессе ее передачи языковыми средствами» (цит. по Семухина, 2016: 40).

Оценочная категоризация, в отличие от естественной, базируется не на объективных параметрах, а предполагает субъективную личностную оценку качеств окружающих предметов. Если естественная категория «фиксирует отношения между языком и окружающим миром», то оценочная категория, в свою очередь, «фиксирует отношения между окружающим миром и его идеализированной моделью» (Болдырев 2014: 181). В таком случае Н.Н. Болдырев в качестве точки отсчёта при оценочной категоризации определяет человека и его шкалу ценностей. Отсюда можно сделать вывод об антропоцентрической направленности оценочной категоризации, о существенной роли человека в процессе осмысления действительности и в выборе языковых средств её репрезентации.

Таким образом, в рамках оценочных категорий картина мира представляется нам не зеркальным отображением действительности, а, скорее, его интерпретацией, где такие категории как «хорошо/плохо», «высоко/низко», «весело/грустно» и др. могут функционировать только в

сознании человека и находят своё отражение исключительно при помощи языка.

2.2. Специфика и особенности выражения оценки в немецком языке

Известно, что для каждого языка характерна собственная система отражения окружающей действительности, базирующаяся на специфичных способах её концептуализации. Другими словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая картина мира, и говорящий организует содержание высказывания в соответствии с этой картиной мира.

Национально-специфические особенности отражения объективной действительности в сознании носителей определённого языка закрепляются в лексическом составе данного языка, в его фразеологии, в пословицах и поговорках, в способах метафоризации. Все эти языковые лакуны могут быть частично или полностью неверно интерпретированы представителями иных лингвокультур.

Так, ряд лексем помимо номинативной функции обретает ещё и дополнительный, символический смысл. Например, *«волк»* в русскоязычной культуре и *«Wolf»* в немецкоязычной представляют собой символ жестокости, агрессии – символическое значение в данном случае совпадает. Однако, если мы обратимся к зоонимам *«медведь»* и *«Bär»* в их проекции на человека, то непременно увидим, что в русском языке лексическая единица *«медведь»* обладает дополнительным значением неуклюжего человека, в то время как *«Bär»* – любвеобильный молодой человек в молодёжном жаргоне Германии.

Проявление оценочного элемента прослеживается на всех уровнях языка и обладает широкой палитрой средств выражения – графическими и акустическими (фонетическими и интонационными), словообразовательными и морфологическими, лексическими и синтаксическими.

В качестве графических средств выражения оценочного значения могут выступать различные шрифты и их начертания, такие как курсив, полужирный, подчеркивание. Также с целью выделения, привлечения внимания к информации используются кавычки, тире, восклицательные знаки и многоточие, удвоение (утроение) пробелов или отдельных символов.

Обратим внимание на следующий пример, где для привлечения внимания к объектам оценки используются кавычки:

Ich dachte, wenn die rechte Zeit verpasst ist, wenn einer etwas zu lange verweigert hat, wenn einem etwas zu lange verweigert wurde, kommt es zu spät, <…>. Oder gibt es »zu spät« nicht, gibt es nur »spät«, und ist »spät« allemal besser als »nie«? (Schlink).

В первом предложении, автор не выделяет графически *zu spät,* так как герой пока лишь описывает сложившуюся ситуацию. Хотя повтор частицы «*zu*» в значении *«слишком»* указывает на чрезмерность упущенного времени и содержит негативную окраску, герой всё же не даёт ещё прямой оценки данной ситуации. Но уже во втором предложении автор дает прямую оценку временным категориям *«zu spät», «spät» «nie»,* определяя для себя, какая лучше.

К интонационным средствам относятся изменения частотных, динамических и временных компонентов речевого сигнала. Данные изменения обладают способностью передавать определённые значения, поэтому интонация может полностью изменить смысл одного и того же предложения.

Сравним, какую смысловую оценку может приобрести обращение «*du armes Kind*» в зависимости от интонации в следующих двух примерах:

Und weil es gar so schön war, hatte der Jäger Mitleiden und sprach: »So lauf hin, du armes Kind!« (Grimm).

»Du armes Kind. Warst schon um halb fünf auf, und das auch noch in deinen Ferien.« Ich hatte sie noch nie ironisch erlebt (Schlink).

В первом примере охотник испытывает сочувствие и жалость к своей жертве и, обращаясь к ней «*du armes Kind*», отпускает её на свободу, сохранив жизнь. Во втором примере в данном обращении сокрыта ирония, героиня произносит её в процессе ссоры, не испытывая к герою действительного сострадания, а скорее – раздражение.

На фонетическом уровне оценка может оформляться звукоподражаниями, звукоритмоподражаниями, фонетическими и семантико-фонетическими каламбурами, а также аллитерацией и/или ассонансом, которые создают нужный психоэмоциональный фон высказывания.

Однако большинство исследователей сходится во мнении, что фонетические единицы языка не содержат собственно оценки, а лишь усиливают степень позитивного или негативного восприятия реципиентом отношения коммуникатора к предмету речи.

По мнению Т.И. Вендиной, именно в словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка (цит. по Погорелава, Яковлева, 2012: 162). При детальном изучении словообразования отдельного языка можно проследить закономерности формирования и удерживания ценностных категорий в сознании индивидов данной языковой общности. Наиболее актуальным словообразовательным элементом при формировании субъективной оценки являются суффиксы. Так, суффиксы со значением уменьшительности и ласкательности *-chen, -lein* могут выражать самую разнообразную и противоречивую палитру оценок и эмоций, начиная от симпатии и сочувствия и заканчивая иронией, пренебрежением или даже злобой.

Проанализируем, какую оценку в себе несут существительные с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-chen* в следующих примерах:

<…> ich beugte mich über sie und küsste sie, und sie drehte sich auf den Rücken, nahm mich in sich auf und hielt mich in ihren Armen. »Mein Jungchen, mein Jungchen.« (Schlink).

Aber dann kam der Tag, da sie ihr Geld nicht mehr in harter Münze, sondern in Form von kleinen bedruckten Papierblättchen erhielt, und das war der Anfang ihres materiellen Endes (Süskind).

В первом примере обращение «*Jungchen*» бесспорно несёт положительную эмоциональную оценку, в то время как существительное «*Papierblättchen*» несет в себе отношение незначительности, пренебрежения к бумажкам, не имеющим практически никакой материальной ценности.

Также и часть других суффиксов обладает рядом сем, «некоторые из них являются постоянными и реализуются одновременно, другие потенциально» (цит. по Погорелава, Яковлева, 2012: 162). Так, суффиксы *-ling, -isch, -lich* обладают семой, обозначающей качество, с отрицательной оценкой, а суффиксы *-ung, -leich* – семой с положительной оценкой (Погорелава, Яковлева, 2012: 162).

Кроме уменьшительно-ласкательных суффиксов оценочное значение способны передавать также некоторые приставки. Например, префиксы *un-, mis-, ver-, ent-, zer-* имеют сему отрицания, неудачи:

Die Menschen stanken nach Schweiß und nach ungewaschenen Kleidern <…> (Süskind).

War alles ein Missverständnis gewesen, ihre Wut, meine geplatzte Lippe, ihr wundes Gesicht, meine Hilflosigkeit? (Schlink).

»Wir wollen ihn haben!« Und sie schickten sich an, die Prévoté zu stürmen, um ihn mit eigenen Händen zu erwürgen, zu zerreißen und zu zerstückeln (Süskind).

Г. Н. Иванина в своей работе (Иванина, 1984: 74) представила наглядную схему словообразовательных элементов, способных выражать положительную или отрицательную оценку к явлениям окружающей действительности («Рис. 2.1»).

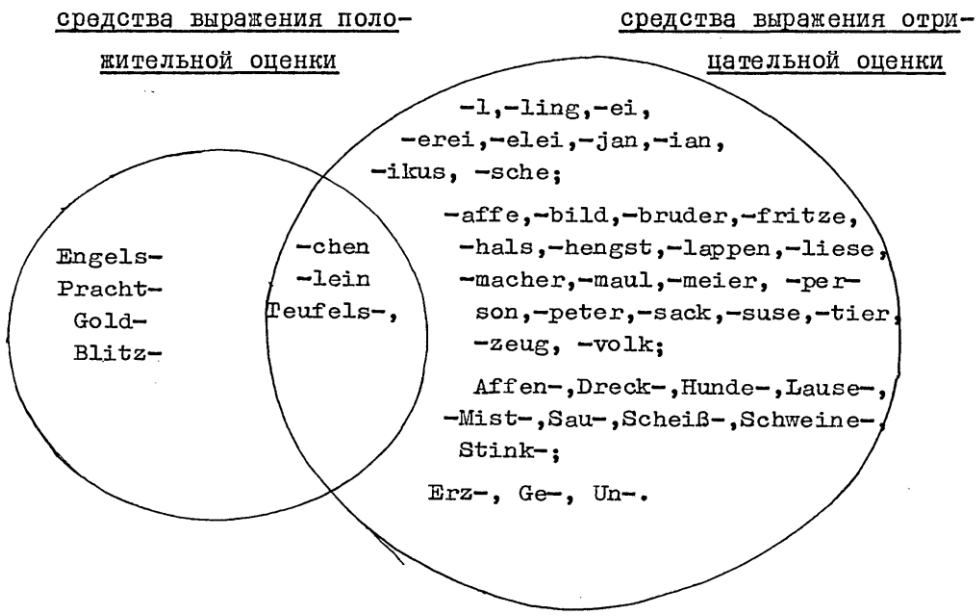

Рис.2.1. Словообразовательные средства немецкого языка, способные передавать положительную или отрицательную оценку (по Г.Н. Иваниной)

На морфологическом уровне основным средством выражения оценки являются формы сравнительной степени наречий, формы сравнительной и превосходной степени имен прилагательных, а также их элятивные формы, которые обозначают безотносительно высокую степень качества.

Однако мы придерживаемся мнения таких лингвистов, как В.В. Виноградов, Т.И. Вендина, Г.А. Золотова, и др. о том, что основным уровнем выражения оценки служит лексический уровень языка. Здесь необходимо упомянуть в первую очередь такие части речи, как существительное, прилагательное, глагол, наречие и слова категории состояния. При этом прилагательное в силу своей функции обозначения свойств, качеств и признаков предмета, имеет наиболее ярко выраженное оценочное значение. Швейцарский лингвист Ш. Балли вывел положение, согласно которому «любая категория оценочных слов ведёт своё происхождение от прилагательных» (цит. по Погорелава, Яковлева, 2012: 163).

В зависимости от характера оценочного признака, обусловленного взаимодействием объективных и субъективных факторов, выделяют общую

оценку, упрощённо представленную в рамках модели «хорошо/плохо», и частную оценку с точки зрения определённого признака.

Общая оценка чаще всего представляется посредством таких лексем, положительность/отрицательность которых заложена в саму семантику слова: *«ja», «Prachtkerl», «gefallen», «zustimmen», «zusagen», «gern», «natürlich», «meinetwegen», «schön», «nein», «empört», «unerhört», «dumm», «schlecht», «frech», «verboten», «ablehnen», «dagegen», «beipflichten» и др.*

Приведём примеры, где, в первом случае, оценка выражена через лексему с прямым значением одобрения, а во втором – порицания:

Der Große Grenouille aber war etwas müde geworden und gähnte und sprach: «Siehe, ich habe ein großes Werk getan, und es gefällt mir sehr gut...» (Süskind).

Auch eine primitive Maschine, deren Zeiger ausschlugen, wenn man in ihrer Nähe log oder dummes Zeug redete (Kehlmann).

Кроме того, оценку в немецком языке может передавать артикль. Особенно ярко эмоционально-оценочные потенции артикля обнаруживаются при его функционировании с именами собственными.

Если проанализировать употребление имён собственных с артиклем и без, то обнаруживается, что первые обладают эмоционально-оценочной насыщенностью. При этом может передаваться самая различная гамма эмоций – от восторженно-одобрительных до презрительно-уничижительных. Так, например, употребление имени собственного с неопределённым артиклем в нижеприведённом отрывке имеет ярко выраженную эмоционально-оценочную коннотацию:

«Wa-as?», Schönhusen schnellte hoch. «Brenten? ... Ist ja interessant! So, so Carl Brenten1 Sprössling? ...Na ja, kein Wunder! Wie sagt man doch, Kieling? Der Apfel fällt nicht weit vom Pferd... Ein Brenten! Nun Freundchen, wir werden dir frühzeitig die Flügel stutzen» (Bredel).

В рамках лексического уровня (а по мнению ряда исследователей лексико-фразеологического или даже собственно фразеологического уровня)

следует также остановить внимание на фразеологизмах, как важном средстве выражения оценочного значения. Именно во фразеологизмах аккумулируется обобщённый, национальный, лингвокультурный характер оценивания предметов или явлений в сознании индивидов данной языковой общности:

Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre.

Ein alter Freund ist zwei neue wert.

Die Zeit ist der beste Arzt.

Отношение к синтаксическому уровню языка при проявлении оценочности неоднозначно. Если Е.В. Кочеткова утверждает, что синтаксические конструкции, как и фонетические единицы языка, не содержат оценки как таковой, то в работах других исследователей синтаксическим средствам уделяется основное внимание.

К синтаксическим средствам оценки относятся целые высказывания, несущие в себе положительное/отрицательное отношение говорящего:

Das ist aber zu viel des Guten!

К данной группе также можно отнести нечленные конструкции, состоящие из междометий. Кроме того, для усиления оценочного значения могут использоваться такие экспрессивно-синтаксические конструкции, как риторические вопросы, лексический повтор, парентетические внесения, предложения, содержащие обособленные группы, цепочки номинативных предложений и т.д. Огромным потенциалом для выражения экспрессивно-оценочного значения обладают многочисленные средства художественной выразительности, такие как: метафорические словосочетания и предложения, сравнительные обороты.

Однако средства вербализации оценки могут встречаться в языке не только обособленно, но, что чаще бывает, употребляются комбинированно. Одновременное использование нескольких средств выражения оценочного значения делает высказывания выразительными и убедительными.

Таким образом, оценочная категоризация в немецком языке имеет ряд особенностей практически на всех языковых уровнях. Выражение оценочного

отношения к фактам объективной действительности при этом может быть как основной, так и сопутствующей целью высказывания.

2.3. Роль гендера при формировании оценочных суждений в немецком языке

Гендерные стереотипы, прочно закрепившиеся в языке, находят своё отражение в процессе оценочной категоризации. Одни и те же качества в процессе создания мужского и женского образа могут трактоваться как положительно, так и отрицательно, в зависимости от того, представителю какого пола они приписываются.

Чтобы выявить, какие качества определяются носителями немецкого языка как положительные в отношении мужчин, а какие – в отношении женщин, можно, например, обратиться к пласту пословиц и поговорок, так как в них аккумулировались гендерные стереотипы на протяжении всего историко-культурного развития.

Опираясь на работу М.А. Шаманской, мы выявили какие стереотипы положительно и отрицательно оцениваются в отношении женщин и мужчин (Шаманская, 2006: 115-116).

В качестве положительных стереотипов мужского поведения в пословицах фиксируются:

- верность слову: *«Den Mann nimmt man beim Wort, den Ochsen bei den Hörnern»*;
- самообладание: *«Der ist ein Mann, der sich selbst regieren kann»*;
- смелость: *«Das Herz (der Mut) schlägt den Mann»*;
- честность: *«Ein ehrlicher Mann ist überall daheim»*;
- разумный расчет: «*Eines weisen Mannes Ernte dauert das ganze Jahr»*.

Отрицательную оценку у мужчин получают такие качества, как:

- трусость: *«Ein feiger Mann gewinnt keine Stadt»;*
- безынициативность: *«Der ist ein armer Mann, der sich selbst nicht helfen kann»;*
- бедность, понимаемая как отсутствие жизненного успеха: *«Armen Mann kennt niemand»; «Einem armen Mann läuft der Ruhm nicht nach»*.

Для положительной оценки женщине необходимо обладать следующими качествами:

- трудолюбием: *«Eine Frau, die ihre Arbeit macht, beschmutzt sich nicht»;*
- благочестием и кротостью: *«Eine fromme Frau ist Goldes wert»;*
- бережливостью: *«Frauen machen aus Pfennigen Taler, Männer aus Talern Pfennige»;*
- красотой: *«Ein schönes Weib als Ehegefährt, das gibt dem Leben Doppelwert»*.

В качестве отрицательно оцениваемых женских качеств среди пословиц представлены следующие:

- сварливость: «*Wer hielt es wohl in seinem Haus lange mit einer Schlange aus»;*
- болтливость: *«Eine Gans und ein Weib - ein Handel; zwei Gänse, zwei Weiber - ein Jahrmarkt»;*
- коварство: *«Die Frauen sind die Schlauen»;*
- тщеславие: *«Eine Frau, die immer im Putz, ist dem Haus kein Nutz»;*
- расточительность: «*Eine Frau kann mit der Schürze mehr aus dem Hause tragen, als der Mann mit dem Erntewagen einfährt»;*
- своеволие: *«Eine launische Frau ist Fegefeuer im Hause»;*
- глупость: *«Die Weiber haben langes Haar und kurzen Sinn»*.

При этом, давая отрицательную характеристику какому-то качеству у мужчины, речь не идёт о том, что все мужчины обладают этим качеством.

Например, порицание малодушного мужчины не приравнивается к утверждению, что все мужчины – трусы; женские отрицательные характеристики, напротив, зачастую рассматриваются именно как качества, присущие всем представителям данного пола: *«Eine Frau und ein Gewitter sind immer zu fürchten»*.

Интересными представляются результаты статистического анализа, проведённого М.А. Шаманской, в отношении количественного соотношения нейтральных, позитивно- и отрицательно-оценочных афоризмов в отношении мужчин и женщин. Согласно её исследованию, среди высказываний на тему «женщина» у авторов-мужчин значительно преобладает доля негативно-оценочных, затем следуют позитивно-оценочные и нейтральные. В женских высказываниях на эту же тему значительная часть отведена нейтральным, затем следуют негативно-оценочные, и меньшая доля представлена позитивно-оценочными (Шаманская, 2006: 118). Наглядно процентное соотношение данных высказываний можно увидеть на рис.2.2

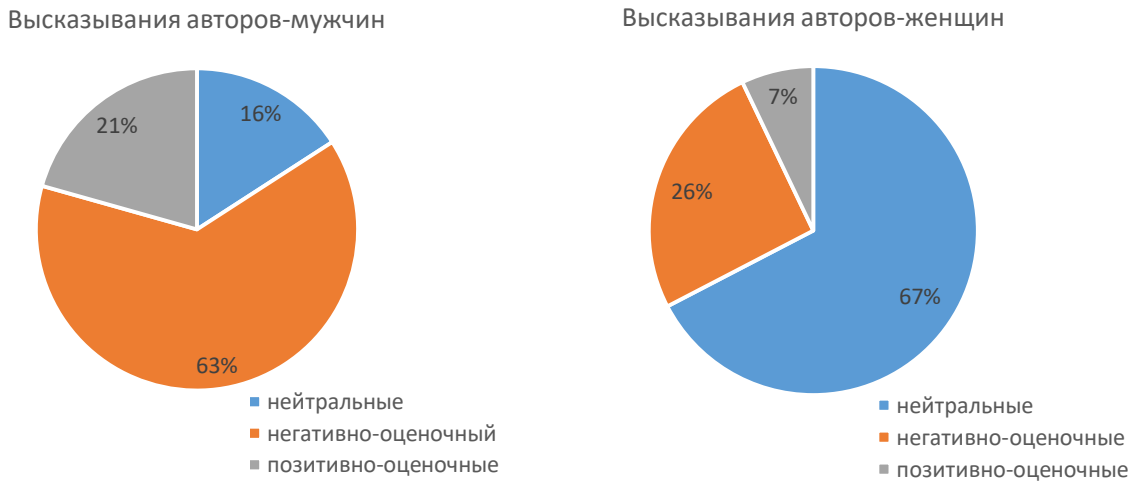

Рис.2.2. Соотношение нейтральных, позитивно-оценочных и негативно-оценочных высказываний по теме «женщина» среди авторов-мужчин и авторов-женщин (по результатам исследования М.А. Шаманской)

Относительно высказывания по теме «мужчина» были получены следующие данные. Среди авторов-мужчин нейтральные, позитивно-

оценочные, и негативно-оценочные высказывания представлены в соотношении 3:2:1. Среди авторов-женщин положительно-оценочные афоризмы по теме мужчина практически отсутствуют, а среди нейтральных и негативно-оценочных преобладают вторые. В процентном соотношении результаты представлены на рис. 2.3.

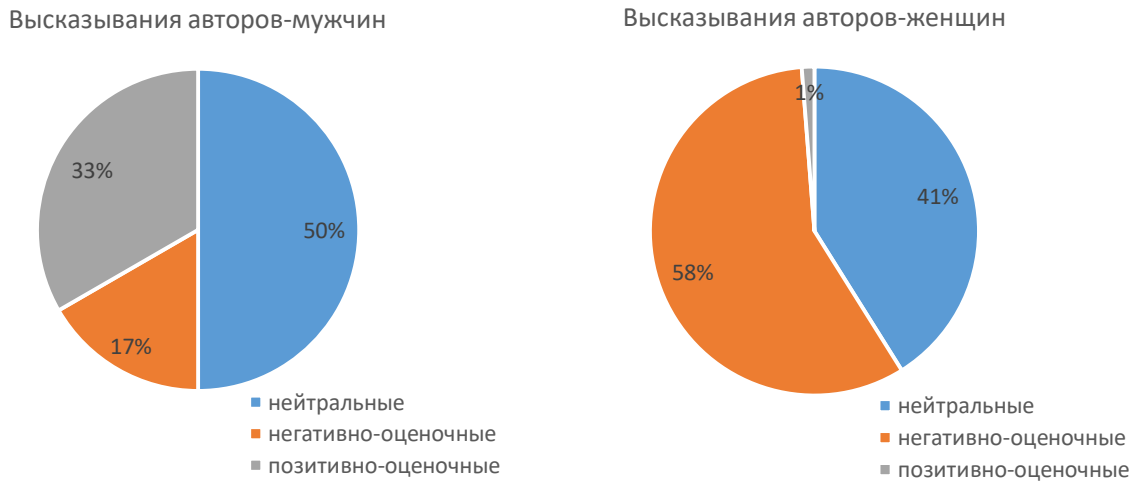

Рис.2.3. Соотношение нейтральных, позитивно-оценочных и негативно-оценочных высказываний по теме «мужчина» среди авторов-мужчин и авторов-женщин (по результатам исследования М. А. Шаманской)

В ходе ассоциативного эксперимента М.А. Шаманская выявила, какие стереотипные характеристики приписываются женщинам и мужчинам на лексическом уровне носителями немецкого языка. Ярко выраженный гендерный стереотип представлен противопоставлением *«objektiv»* и *«rational»* в отношении мужчины и *«Gefühle»*, *«Emotionen»* - в отношении женщин. При этом «женская» эмоциональность трактуется респондентами скорее как иррациональность и получает негативную оценку как от мужчин, так и от женщин (Шаманская, 2006: 133).

Однозначно женскими и однозначно негативными качествами считаются *«neugierig»*, *«redselig»*.

При интерпретации одного из наиболее выраженных гендерных оппозиций *«stark»* и *«schwach»*, приписываемых мужчинам и женщинам

соответственно, необходимо быть осторожным. Важно понимать, что «мужское» качество *«stark»* может трактоваться как сила и нести положительную нагрузку, выступая в синонимичном ряду вместе с *«zuverlässig», «mutig».* С другой стороны, вариантом трактовки может быть ригидность: в таком случае *«stark»* по отношению к мужчине несёт негативную оценку и воспринимается наряду со *«stolz», «aggressiv».* «Женская» слабость, в свою очередь, может восприниматься отрицательно в значении качества *«hilflos»,* либо положительно, со значением *«sanft», «zart».*

В немецком языке допустимы атрибутивные высказывания с элементами гастрономического характера по отношении к женщине. Например, в одной из песен немецкой группы Comedian Harmonists звучат слова: *«Wohin ich schau, du süße Frau, bist Du».* Такие атрибуты как *«süß», «knusprig», «lecker»* по отношению к женщине носят значение «лакомый кусочек» и расцениваются с мужской точки зрения положительно. При этом, однако, словосочетания *süßer Mann, knuspriger Mann* являются недопустимыми.

Если с лексического уровня мы опустимся на ступень ниже, то сможем проследить, какую роль может играть словообразование в формировании эмоциональных оценок мужских и женских образов.

Как уже говорилось в предыдущем параграфе, большим оценочным потенциалом обладают суффиксы *-chen* и *–lein,* при том их значение может варьироваться от ласкательности до пренебрежения.

Так, если мы добавим суффиксы *-chen* и *-lein* к мужским именам собственным, то в большинстве случаев данные имена будут восприниматься как уменьшительно-ласкательные, а их употребление будет сводится к кругу семьи или друзей*: Peterchen, Karlchen, Ottochen usw.*

Оттенки нежности также сохранятся, при добавлении уменьшительно-ласкательных суффиксов к названиям членов семьи: *Väterchen, Brüderchen.* Однако добавление тех же суффиксов к словам, непосредственно указывающим на то, что субъект является лицом мужского пола *(Mann, Herr,*

Junge, Kerl, Knabe) скорее всего будет нести негативную оценку, варьирующуюся, в зависимости от контекста, от иронично-шутливой, до презрительной:

Knäblein, halt deine Schnauze! (Noll).

Для обозначения лиц женского пола используются образования с суффиксами *-sche* и *-in,* сочетающихся с именами собственными или профессиями *(Müllersche, Müllerin).* Однако, имея первостепенную функцию обозначения женского рода, в разговорной речи нередко возникают оттенки грубой фамильярности, пренебрежительности к тому лицу, о котором идет речь:

Ach, Torstensche, Weibsbild, du! Selbst deinetwegen wein ich noch, obwohl wir uns, so insgeheim meine ich, kaum leiden können (Cladius).

Использование полуаффиксов для выражения эмоционально-оценочного отношения также обладает разнообразными выразительными возможностями. Например, полусуффикс *-volk,* сочетаясь с основами существительных, передает негативное отношение к целой группе лиц, например, *Artistenvolk, Herrenvolk usw.:*

Ich hab dirsch gesagt! Ich will von euch ganzem Mannsvolk nicht wiss'n. Geh deiner Wege! (DWDE).

Существительные с полупрефиксами *Blitz-, Gold-, Pracht-* служат средством выражения положительных эмоций говорящего, передают восторг, восхищение, радость. При этом объектом речи могут быть лица обоих полов:

»Ein Prachtmensch!« murmelte Max, ihm nachblickend (Bredel).

Полупрефикс *Engel-,* также выражая положительную оценку говорящего, но употребляется чаще при описании лиц женского пола:

Das Mädchen packte jetzt Bücher aus einem Regal auf das Fensterbrett. Stanislaus sah die weißen, kleinen Hände. Diese Engelshände! (Strittmatter).

Таким образом, словообразовательные средства являются одним из эффективных и широко используемых средств передачи эмоциональной оценки говорящего. При помощи словообразовательных элементов

формируются определённые оттенки значений, раскрывающие глубину тех или иных женских и мужских образов.

В целом же, изучение проблемы и анализ материала показали, что гендерные стереотипы устойчиво сохранились в сознании представителей немецкоязычного сообщества и проявляются на различных языковых уровнях.

Выводы по ГЛАВЕ II

В рамках изучения проблемы процесса оценочной категоризации в немецком языке можно сделать целый ряд выводов:

1. Для успешного оперирования полученными знаниями человеку необходимо предварительно структурировать их определённым образом. Процесс упорядочения знаний, распределения их по соответствующим тематическим разделам сознания получил название «категоризация».

2. Оценочная категоризация имеет антропоцентрический характер, поскольку не отражает реальные явления действительности, а является результатом их интерпретации на основе существующих личной и общественной шкал ценности.

3. Оценочная категоризация в языке становится доступной благодаря средствам различных уровней. Основным уровнем выражения оценки в языке является лексический, а наиболее продуктивными частями речи с точки зрения оценочной категоризации являются прилагательные, существительные, глаголы и наречия, а также слова категории состояния. На словообразовательном уровне эффективным средством выражения оценки являются различные словообразовательные аффиксы. Синтаксические конструкции не содержат собственно оценки, однако обладают большим потенциалом при усилении оценочного значения. Значительную роль в

актуализации оценочного значения играет интонационное оформление высказывания.

4. Наиболее распространёнными характеристиками в отношении представителей мужского пола стали: *«objektiv», «rational», «stark», «stolz», «aggressiv», «mutig», «zuverlässig», «selbstbewusst»*. При описании наиболее стереотипических «женских» черт присутствуют следующие: «*Gefühle», «Emotionen», «schwach», «hilflos», «sanft», «zart», «neugierig», «redselig»*.

5. Несмотря на кажущуюся простоту выявления оценочного содержания, не имея достаточных знаний в этой области, легко совершить ошибку в определении оттеночных значений в немецких высказываниях и текстах. Кроме собственно лексического значения слова следует обращать внимание на его грамматическую форму, наличие или отсутствие артикля, особенность внутриязыковых коннотаций, контекста.

ГЛАВА III. Роль гендера в формировании концепта «Schönheit» в немецкоязычном художественном дискурсе

3.1. Гендерные представления о красоте человека в современном немецкоязычном сообществе

Одним из ключевых аспектов при изучении эстетических категорий является «красота». Будучи общечеловеческой категорией, «красота» зафиксирована во всех языках, однако в каждом из них смеет собственную репрезентацию.

Говоря о концепте «красота» или «Schönheit» в немецком языке, прежде всего, необходимо обратиться к его дефинициям в различных словарях.

Словарь Duden предлагает следующие значения:

a) das Schönsein;

b) auffallend schöne Person;

c) alles, was [an einer Sache, Gegend] schön ist (Duden, 2010: S. 825).

То есть «Schönheit» может рассматриваться как явление само по себе, с одной стороны, или как некто/нечто, подходящее под определение *«schön»*.

Словарь Варига дает похожее определение термина ***«Schönheit»****:*

I. das Schönsein, schönes Aussehen;

II. schöne Person, Sache (*Wahrig-Burfeind*, 2011: S. 1311)

В электронном словаре «Wortbedeutung.Info» термину ***«Schönheit***» соответствуют следующие дефиниции:

1) die Eigenschaft, schön zu sein;

2) die schönen Seiten, die schönen Eigenschaften von etwas;

3) eine äußerlich schöne weibliche Person;

4) seltener, eher ironisch: *auch für männliche Personen.*

И, наконец «Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache» («DWDS») предлагает значения «***Schönheit***»:

1. entsprechend der Bedeutung von schön;

2. sehr schöne Frau.

Во всех определениях смыслообразующим ядром является прилагательное «*schön*». Поэтому необходимо дать определение и выявить существенные признаки для данного понятия.

В качестве первого, основного значения лексемы ***«schön»*** словарь Duden даёт следующее (Duden, 2010: S. 824): *1. sehr angenehm, ästhetisch auf die Sinne wirkend; von vollendeter Gestalt, sodass es Anerkennung, Gefallen, Bewunderung findet.* Объясняя здесь же значение словосочетания *«sich schön machen»,* составители словаря делают помету: *mit der Absicht, sich ein besonders angenehmes, reizvolles Aussehen zu verleihen, sorgfältig Gesichts- und Körperpflege betreiben und sich gut, hübsch anziehen*. В качестве основных синонимов можно выделить следующие: *attraktiv, ebenmäßig, fein, gefällig, geschmackvoll, gut aussehend, hübsch, paradiesisch, prächtig* и *reizend.*

В дефиниции понятия ***«schön»***, представленного в интернет-словаре «DWDS» в качестве первого, главного значения предлагается также реализация эстетической компоненты*: jmds. ästhetisches Empfinden sehr angenehm berührend, höchstes, bewunderndes Wohlgefallen hervorrufend.* При этом составители словаря выделяют подкатегории: *durch Wirkung auf das Auge* и *durch Wirkung auf das Ohr*, исходя из чего мы можем сделать вывод, что в основе немецкого концепта «Schönheit» лежат признаки и свойства предметов, доставляющие эстетическое удовольствие и воспринимаемые визуально или на слух.

Далее в словаре «DWDS» указывается значение: 2. *in seiner Art und Weise ansprechend, angenehm,* и в принципе оно совпадает с определением словаря Duden: *2. nicht getrübt; angenehm, herrlich.* Для данного значения ключевыми являются следующие синонимы: *ausgezeichnet, fein, genial, gut, herrlich (emotional), ordentlich, sehr gut, spitze (ugs.).*

Следующее значение, которое в Duden выносится отдельно, а в «DWDS» является подпунктом в объяснении предыдущего определения касается сферы человеческих взаимоотношений. В данном контексте *«etw. ist schön von jmdm»* воспринимается как: *etw. ist freundlich, liebenswürdig, anständig von jmdm.*

Четвёртое значение лексемы «*schön*», представленное в словаре Duden уже не несёт в себе какой-либо эстетической оценки: *4. (ugs.) im Hinblick auf Anzahl, Menge, Ausmaß beträchtlich.* Оно полностью совпадает по смыслу с определением, представленным в «DWDS»: *ziemlich groß, beträchtlich.*

Ближе к периферии значение эстетической оценки утраивается. Так в «DWDS» приводится дефиниция прилагательного «*schön»* как: *so, wie es sein sollte, wie es der Ordnung entspricht.* Также здесь указано, что в разговорных высказываниях лексема «*schön*» может выражать понимание или согласие и быть синонимом слов «*ja», «gut*». Кроме того, на периферии прилагательное *«schön»* может приобретать значение, противоположенное основному: *5. (ugs. ironisch) wenig erfreulich, zu Unmut, Verärgerung Anlass gebend* (Duden).

Концепт «Schönheit» репрезентирует признак «женский образ», что проявляется результатами анализа словарных дефиниций. При описании женской привлекательности можно часто встретить сравнения с гастрономическими продуктами: *süß wie Torte / Sahneschnitte*, а также метафоры*: sie ist zum Fressen; zum Anbeißen aussehen* – где женщина представляется как лакомый кусочек. Также очень богата группа сравнений женщин с представителями флоры и фауны. Красота женской фигуры передаётся фразеологизмами *schlank wie eine Gerte / eine Tanne / eine Pappel.* Для создания образа молодой и энергичной девушки используются сравнения с небольшими животными или вообще насекомыми: *eine fesche Katze, eine Mieze, eine süße Maus, eine flotte Biene, ein netter Käfer.* Согласно исследованиям о лексической сочетаемости М. А. Шаманской, наиболее частотными определениями для слова *«Frau»* являются *«junge», «blühende», «nette», «sympathische», «tolle», «hübsche»* (Шаманская, 2012: 47).

Безусловно, для представителей обоих полов внешность является одной из значимых характеристик. Однако при описании внешней привлекательности женщины реже встречаются иронические оттенки, в отличии от мужчины: *ср. Schönling, Schmalzdackel* в значении «красавчик». Тем не менее, и наличие качества «красота» у женщин не всегда трактуется положительно:

«Ein schönes Weib hat den Teufel im Leib».

«Schöne Weiber, vergoldete Hörner».

В формировании образа мужчины внешность играет не такую важную роль, как в формировании образа женщины. Описание мужской внешности связано не столько с его физической привлекательностью, сколько со впечатлением, которое он производит в обществе. Данное впечатление складывается из ряда факторов: манерой одеваться, умением вести себя в обществе, а также с социальным статусом:

«Kleider machen Leute».

Подводя итоги тому, что лежит в основе концепта «Schönheit», можно утверждать, что данный концепт включает в себя следующие ключевые признаки:

1. «***Эстетическое удовольствие, получаемое посредством органов чувственного восприятия, в основном, благодаря зрению и слуху»***. Для немецкой лингвокультуры, как и для большинства других европейских лингвокультур, характерно предпочтение таких эстетических параметров как симметричность и пропорциональность, гармоничность в цвете и размере, максимальное соответствие стандартам и идеалам, принятым в обществе: *die Ästhetik als die «Wissenschaft von der Idee der Schönheit» (DWDS).*

2. ***«Внешняя красота человека», «наличие приятных для зрительного восприятия черт лица и тела».*** Большое количеству фразеологизмов, касающихся определений «полный» / «худой» свидетельствует, что комплекция фигуры является важным критерием красоты. Чересчур полное телосложение, ровно, как и чрезмерная худоба и

сухость, негативно оцениваются: *wie ein Pfannkuchen aufgehen; bis auf die Knochen abgemagert sein.* Кроме того, определение «молодой» зачастую едва ли не приравнивается к определению «красивый»: *wie ein junger Gott sein.*

3. ***«Внутреннее совершенство человека».*** Данный признак проявляется в процессе взаимодействия с другими людьми, и положительными здесь являются следующие качества: *freundlich, gütig, liebenswürdig, nett.* При этом при создании образа человека, внутренняя и внешняя красота рассматриваются как определённое единство: *hässlich vom Gestalt, schön an innerem Gehalt; Nach der Kleidung wird man empfangen, nach dem Verstande verabschiedet.*

4. ***«Женский образ».*** Женщина оценивается с точки зрения своей привлекательности для мужчин, при этом в качестве ключевых характеристик выступают особенности её внешности. Например, в качестве эпитетов, употребляемых со словом «Frau», онлайн-словарь DWDS предлагает, в первую очередь, следующие*: eine schöne, hübsche, bezaubernde, gepflegte, zarte, zierliche usw.*

5. ***«Особенности поведения».*** Данный признак действителен в отношении поступков, соответствующих моральным установкам общества и раскрывающим благородные качества человека. Так, например, прилагательное *«mild»* может означать «красоту поведения человека»: *Früher stark gerecht und milde, gibt sich jemand heute kalt ausgekocht und stets im Bilde, kurz, jetzt ist er Rechtsanwalt.* При этом, если для мужчины в первую очередь играют значения его поступки по отношению к обществу, то женские поступки оцениваются чаще всего по отношению к мужчине.

Таким образом, концепт «Schönheit» неразрывно связан с гендерными стереотипами. Эстетическая оценка (особенно со стороны мужчин) применяется в большинстве случаев по отношению к представительницам женского пола. При создании эстетически привлекательного женского образа ключевую роль играет описание внешних характеристик, в то время как при

создании мужского образа также обращается внимание на такие характеристики как «интеллект» и «успех».

3.2. Гендерная специфика при репрезентации концепта «Schönheit» в художественном дискурсе

Для отражения современного состояния концепта «Schönheit» в немецком языке были выбраны произведения новейшей литературы, среди которых: «Das Parfum» Патрика Зюскинда (1985), «Der Vorleser» Бернхарда Шлинка (1995) и «Die Vermessung der Welt» Даниэля Кельмана (2006).

Начнём наше исследование с романа Д. Кельмана «Die Vermessung der Welt». Данное произведение представлено в форме романа-биографии двух выдающихся немецких учёных – Иоганна Карла Фридриха Гаусса и Александра фон Гумбольта.

При создании биографического произведения перед автором всегда стоит задача создания целостного изображения отдельного человека на панорамном фоне окружающей его эпохи. События, представленные в романе Д. Кельмана, носят не только хронологический, научно-логический характер, но и подвергаются эстетической оценке.

При оценке внешней привлекательности женщин, как одного из ключевых признаков концепта «Schönheit», в романе используются слова: *hübsch, Schönheit, häßlich, wohlgeformt, nicht übel, die Kleine, schön.* Важно понимать, что и автор, и главные герои данного произведения – мужчины, и соответственно концепт «Schönheit» вербализуется на основе мужского восприятия женской привлекательности.

Женская красота неразрывно связана и со здоровьем. Приведём фрагмент предсмертного описания матери Гумбольдта:

Die Auszehrung hatte sie innerlich verbrannt, ihre Wangen waren eingefallen, ihr Kinn war lang und ihre Nase plötzlich krumm, an den Aderlässen war sie beinahe verblutet.

Чрезмерная нездоровая худоба, непропорциональность и резкость черт, изнеможение и усталость противопоставляются женской привлекательности. Печать болезни превращает знакомое и любимое лицо матери *«in etwas Fremdes»*.

Старость не соответствует представлением о красоте женщины, она воспринимается как причина духовного и физического увядания:

Schon früh war ihm aufgefallen, dass sie alterte. Ihre Haut verlor an Spannung, ihr Körper seine Form, ihre Augen hatten immer weniger Glanz, und jedes Jahr waren auf ihrem Gesicht neue Falten.

При создании образа непривлекательной, уродливой женщины на передний план выходит негармоничность черт её лица:

Er dachte an ihre Hochzeit, an den Schrecken, der über ihn gekommen war, als er sie in Weiß gesehen hatte, die großen Zähne zu einem glücklichen Lächeln gebleckt.

Или другой пример:

… dass er sich schon einsam fühlte, wenn er ihr Gesicht nur von weitem sah, und allein der Gedanke an sie ausreichte, ihn wünschen zu lassen, er wäre tot.

Кроме самих черт лица, важную роль играет также его выражение. Недовольное лицо воспринимается некрасивым: *das triste Gesicht.*

Также при создании образа некрасивой, непривлекательной девушки важную роль играет звучание её голоса:

… ihre Stimme ihm vorkam, als kratze Kreide auf einer Schiefertafel.

При формировании образа привлекательной девушки обращается внимание на её волосы, а также индивидуальные особенности, своего рода «изюминки», как *«tiefe Grübchen auf den Wangen»* или *«zarte, sehr geschwungene Brauen»*.

Кроме того, запах играет важную роль при описании женской красоты. При этом запах необязательно должен ассоциироваться с цветочными ароматами, оценка его притягательности может быть очень индивидуальной, как например «*breite, nach Erde duftende Schultern*».

Вопрос роста, в свою очередь не играет столь значительной роли. Если для мужчины невысокий рост является скорее недостатком, то для женщины это не играет особого значения. Красивой женщине позволительно быть обладательницей как высокого роста: *Seine Frau, eine großgewachsene Schönheit*…, так и миниатюрной комплекции: *Immerhin, die junge Frau hatte ein kleines, wohlgeformtes Gesicht, dunkle Augen und ein tief ausgeschnittenes Kleid.*

При формировании концепта «Schönheit» нельзя также упустить женскую привлекательность плотского, сексуального характера. Обнажённое женское тело является привлекательным для мужчины:

Von den Verrenkungen verrutschte ihr Nachthemd. Gauß betrachtete sie mit hochgezogenen Brauen.

Женская красота в немецкой лингвокультуре может восприниматься, как причина мужских страданий:

Bonpland litt unter ihrer Schönheit.

Интересно высказывание Гаусса, адресованное собственной дочери:

Ein Jammer <…> dass du so hässlich bist und er eine Frau hat!

Здесь в качестве противопоставления прилагательному *«hässlich»* выступает существительное с неопределённым артиклем *«eine Frau»*. Герой подразумевает тем самым, что красота является одним из необходимых составляющих качеств женщины.

Критерии внешности при формировании мужских образов носят скорее описательный характер, нежели получают прямую эстетическую оценку автора. Большая часть описаний мужской внешности содержит в себе информацию о телосложении: *dünn / mager*, росте *klein / hochgewachsen*, цвете и длине волос *mit langem Bart / mit schlohweißen Haaren*. Реже указываются также некоторые примечательные исключительно для данного персонажа

черты: *mit großen Ohren / mit ungesunder Gesichtsfarbe/ eine Zahnlücke, ganz vorne / raffiniert gezwirbelter Bart.*

Репрезентацию мужской красоты можно отследить в следующем примере:

Der ältere Bruder sah aus wie ein Engel.

Примечательно, что дальнейшее описание «ангельской» сущности брата заключено не в перечислении внешних примет, а в описании манеры общения с лучшими представителями общества:

Er konnte reden wie ein Dichter und schrieb früh altkluge Briefe an die berühmtesten Männer des Landes.

Умение держаться на публике порой даже важнее внешних данных для мужчины. Так выдержка и осанка, сияющие и выразительные глаза компенсируют такой недостаток, как невысокий рост:

Er stand kleingewachsen, aber aufrecht, mit leuchtenden Augen und leicht hängenden Schultern vor dem Schreibtisch seines Vorgesetzten.

Статность в осанке особенно значительно подчёркивается автором в качестве критерия мужской красоты:

… er solle sich gerade halten, so zu lümmeln sei doch keine Art.

Wie stehst du denn da, sagte Gauß, weil er den Schlag begründen musste. Halt dich gerade!

Молодость также играет важную роль в формировании образа привлекательного мужчины, однако, опять же, выступает не самостоятельно, а вместе с умением вести себя в обществе:

… weil er jung war, gut aussah und Manieren hatte.

Кроме того, при описании признаков мужской привлекательности, на передний план выносятся энергичность и физическая выносливость:

Ihr Braven, fuhr er nach einer langen Pause fort, ihr Jungen, ihr Kraftvollen, ihr müsst stärker werden!

Болезнь и старость же, как и при формировании женских образов, имеет негативную оценку:

Auch der Herzog sah anders aus: Er war älter geworden. Ein Augenlid hing schlaff herab, die Wangen waren wulstig, sein schwerer Körper schien schmerzhaft fest auf seine Knie zu drücken.

Таким образом, объектами оценки в романе выступают отдельные люди. Автор лишь изредка употребляет лексемы, положительность или отрицательность которых заложена в саму семантику слова. Понятие читателем авторской оценки происходит на основе соответствия или несоответствия определённых качеств принятым в обществе стандартам красоты. При этом, разные герои придерживаются разного мнения в отношении одних и тех же объектов оценки, что свидетельствует что явление оценки очень субъективно и базируется не только на общечеловеческих установках, но и формируется в сопоставлении с личным внутренним миром.

В романе Б. Шлинка «Der Vorleser», где основной проблемой является последствия военных преступлений, многие явления подвергаются тщательному анализу и в конечном счёте оценке с точки зрения нравственности, морали. В данных условиях интересною и своеобразную репрезентацию получает и концепт «*Schönheit*».

Главной героиней романа является Ханна Шмиц, и репрезентация концепта «*Schönheit*» в первую очередь связана с ней.

В произведении показано, как существующие гендерные стереотипы сталкиваются с личностными представлениями о красоте. Описывая Ханну, герой обращает внимание, что ни её фигура, ни тем более возраст не соответствовали его прежним стереотипным, идеальным представлениям:

Sie hatte einen sehr kräftigen und sehr weiblichen Körper, üppiger als die Mädchen, die mir gefielen und denen ich nachschaute. <…> Überdies war sie viel älter als die Mädchen, von denen ich träumte.

Уже в конце романа, герой признается, что всех своих последующих женщин он сравнивал с Ханной, и оставался неудовлетворённым результатом:

… und hatte ich das Gefühl, dass es nicht stimmt, dass sie nicht stimmt, dass sie sich falsch anfasst und anfühlt, dass sie falsch riecht und schmeckt.

Примечательно, что основными критериями здесь являются не внешние признаки, а осязательные, обонятельные и даже вкусовые.

Как и в произведении Д. Кельмана, в романе «Der Vorleser» красивым признаётся собственно женское тело:

Ich konnte die Augen nicht von ihr lassen. Von ihrem Nacken und von ihren Schultern, von ihren Brüsten, die das Unterkleid mehr umhüllte als verbarg, von ihrem Po, an dem das Unterkleid spannte, als sie den Fuß auf das Knie stützte und auf den Stuhl setzte, von ihrem Bein, zuerst nackt und blaß und dann im Strumpf seidig schimmernd.

Впервые герой говорит Ханне, что она красивая, когда она оказывается перед ним обнажённой. При этом он утверждает, что мало что мог увидеть, ведь герои стояли слишком близко друг к другу:

Aber ich war überwältigt von der Gegenwart ihres nackten Körpers.

Отдельно описывает герой запах Ханны. Как и в романе Д. Кельмана, герою свойственно собственное представление о привлекательном женском запахе. Так он описывает запах Ханны:

Sie roch immer frisch: frisch gewaschen oder nach frischer Wäsche oder nach frischem Schweiß oder frisch geliebt. Manchmal nahm sie Parfum, ich weiß nicht, was für eines, und auch dessen Duft war mehr als alles andere frisch.

В романе «Der Vorleser» большое внимание уделяется женским движениям и позам. Их естественность и непринуждённость не воспринимаются как неуклюжесть, скорее плавность и изящество:

Verführung, die nicht Busen und Po und Bein ist, sondern die Einladung, im Inneren des Körpers die Welt zu vergessen.

Говоря о зооморфных сравнениях для подчёркивания женской красоты, в тексте встречаются такие варианты как *«Häschen», «Kätzchen», «Tigerin»*, а особую роль занимает *«Pferd»:*

Так при восприятии красоты Ханны герой обращает внимание не только на её внешнюю красоту, но и на внутреннюю силу и крепость. Кроме того, речь идёт о приятности тактильных ощущений.

Совершенно в другом контексте возникает зооморфное сравнение *«Stute»* – так прозвали заключённые концлагеря одну из своих надзирательниц. В системе ассоциаций со *«Stute»* также возникает молодая, сильная и статная женщина, однако в её образе отсутствуют представления о теплоте и доброте*:*

In einem Lager hatte die Tochter eine Aufseherin erlebt, die «Stute» genannt wurde, ebenfalls jung, schön und tüchtig, aber grausam und unbeherrscht.

В памяти героя сложился образ «красивой» Ханны:

Hanna, die in der Küche die Strümpfe anzieht, die vor der Badewanne das Frottiertuch hält, die mit wehendem Rock auf dem Fahrrad fährt, die im Arbeitszimmer meines Vaters steht, die vor dem Spiegel tanzt, die im Schwimmbad zu mir herüberschaut, Hanna, die mir zuhört, die zu mir redet, die mich anlacht, die mich liebt.

Привлекательность героини неразрывно связано с ощущением собственного счастья у героя. «Красивая» Ханна неотделима от «счастливой» Ханны, поведение которой легко и беззаботно. «Красивая» Ханна смотрит на своего возлюбленного, слушает его, говорит с ним, смеётся и танцует для него, любит его. С позиции привлекательность женщины рассматривается как источник удовольствия для мужчины.

Помимо Ханны в романе возникают и второстепенные женские персонажи. Например, герой проявлял симпатию однокласснице Софи; описывая её, он указывает цвет волос, кожи и глаз. Кроме того, герой рассказывает:

Als ich mich gesetzt hatte und umsah, lächelte sie mich an.

Так, одна из составляющих женской привлекательности в глазах мужчины есть способ взаимодействия с ним.

Отталкивающий женский образ представлен в лице одной подсудимой:

Eine andere Angeklagte, eine derbe Frau, nicht ohne gluckenhafte Behäbigkeit und zugleich mit gehässigem Mundwerk.

Внешние признаки тесно переплетаются с личными качествами.

Таким образом, атрибуты, подчеркивающие привлекательность женщины, нередко коррелируют с характеристиками ее личностных качеств; красота усиливает достоинства женщины, а её отсутствие делает женские недостатки ещё более отталкивающими.

Внимание мужской привлекательности в романе практически не уделяется. Герой отмечает только, что его уверенное общение с представительницами противоположенного пола им импонировало:

Die Mädchen, denen ich begegnete, merkten und mochten, dass ich keine Angst vor ihnen hatte.

В романе подчёркивается, что система коллективных ценностей, присущих отдельному социуму, совпадает с системой ценностей отдельных его индивидов. Герой признаёт субъективность своих оценок её внешности:

Hohe Stirn, hohe Backenknochen, blassblaue Augen, volle, ohne Einbuchtung gleichmäßig geschwungene Lippen, kräftiges Kinn. Ein großflächiges, herbes, frauliches Gesicht. Ich weiß, dass ich es schön fand. Aber ich sehe seine Schönheit nicht vor mir.

Оценочные суждения героя о красоте Ханны весьма противоречивы. В начале романа речь идёт в первую очередь о ее внешних характеристиках, которые герой лично для себя оценивает положительно и определяет их существительным «*Schönheit*». Однако в последующих частях романа на передний план выдвигается поведенческий аспект, а именно – военное преступление Ханны против заключённых в концлагере. Такой поступок не укладывается ни в общепринятые аксиологические ценности, ни в личную систему ценностей героя. Этические и правовые стандарты вступают в противоречие с эмоционально-чувственной оценкой. Герой пытается рационально переосмыслить своё представление об образе Ханны, однако не может дать ему однозначной оценки.

Говоря о романе П. Зюскинда «Das Parfum», необходимо учитывать, что формирование смыслов концепта «Schönheit» подчинено здесь концепту

«запах». Их взаимокорелляция и лежит в основе глубокого понимания и привольной интерпретации авторской концептоферы.

При эмпирическом познании мира главным героем Гренуем доминирующая роль в данном процессе отведена обонянию. Именно поэтому мерилом красоты в ряде художественных контекстов наряду с внешними признаками выступает запах. Именно его признает герой как *«die reine Schönheit»*.

При описании внешности прекрасных девушек акцент делается на их молодость, на черты лица *«feines sommersprossenübersprenkeltes Gesicht», «roter Mund» «große funkelnd grüne Augen» «noch zarteste Konturen und geheimste Stellen»;* на формы грудей и бёдер, подмышек и предплечий, которые характеризуются эпитетами *«glatt», «fest»;* на переливающиеся на солнце волосы: «*ihr rotes Haar fiel, es loderte im Sonnenlicht»*. Их движения описываются как *«zähflüssige», «langsame» «ruhige»*.

В произведении возникают метафоры гастрономического характера:

Es gehörte jenem schwerblütigen Typ von Frauen an, die wie aus dunklem Honig sind, glatt und süß und ungeheuer klebrig.

Впервые в нашем исследовании мы встречаем «девственность» как авторский признак концепта «Schönheit». В тексте девственность определяется как *«die Schönheit und der Reiz ihrer Jugend»*.

Наивысшая степень женской красоты характеризуется в романе как *«die heilige Schönheit»,* а обладательница такой красоты представляется едва ли не святой*:*

… in der Tat wie eine Heilige erschien sie allen, die sie gekannt hatten.

Физическая смерть рассматривается не как остановка жизненных функций, а как потеря красоты, проявляющейся в первую очередь через аромат. Лишь после того, как Гренуй заканчивал все свои процедуры по сохранению аромата мёртвых девушек, он воспринимал их по-настоящему мертвыми:

Jetzt erst war sie für ihn wirklich tot, abgewelkt, blass und schlaff wie Blütenabfall.

Несколько противоречивым является тот факт, что обладательницами самой ценной «ароматической» красоты являлись девушки, при этом в некоторых частях романа красота представляется универсалией, не зависящей от пола. Так, описывая определённый тип женщин, утверждается, то их красота способна в равной степени пленить как мужчину, так и женщину:

Typ von Frauen <…>, der eigenen Gravitationskraft scheinbar unbewusst, mit der sie Sehnsüchte und Seelen von Männern wie von Frauen unwiderstehlich an sich reißen.

Кроме того, когда Грену завладел ароматом всех своих жертв и стал самым прекрасным существом для всех, кто чувствовал его запах, его красота сама стала независима от гендерной принадлежности. Так, Риши уже не мог отделить образ Гренуя от образа своей покойной дочери:

Du bist ihr ähnlich. Du bist schön wie sie, deine Haare, dein Mund, deine Hand… Ich habe die ganze Zeit deine Hand gehalten, deine Hand ist wie die ihre.

Грену стал восприниматься как *«Engelsmensch»,* люди отказывались верить, что он способен был совершить какое-либо злодеяние. Такое нечленение восприятия, смешивания запаха с внешними признаками, а после – наделение высокой духовной добродетелью, свидетельствует, что концепт «Schönheit» не может рассматриваться лишь как наличие эстетически приятных внешних признаков. Речь идёт о совокупности внешних и внутренних качеств человека, о соответствии их каким-то существующим в обществе идеалам и о личном принятии этих идеалов.

Процесс оценочной категоризации для героя носит не только эстетическую, но и прагматическую функцию. Непосредственно разделяя ароматы на «хорошие» и «плохие», герой определяет их значение для реализации собственных потребностей.

Вербализация оценок героя в данном случае в высшей степени индивидуальна. Для описания женского запаха используется богатая палитра

сравнений: *«so frisch wie Meerwind», «süß wie Nussöl», «wie ein Bouquet von Wasserlilien», «wie Aprikosenblüte»*. С одной стороны, такая «индивидуализация» возможна благодаря исключительному чутью Гренуя, с другой – субъективность оценки определяется размытостью и нечёткостью «стандартов» оценки запаха, принятых в обществе.

Примечательно, что среди набора аксиологически релевантных признаков в качестве основного при составлении оценочного суждения о красоте выбран именно запах. Как и в предыдущих произведениях, это служит доказательством тому, что частные представления не всегда совпадают с системой общих ценностей, мнений и стандартов.

Выводы по ГЛАВЕ III

Проанализировав роль гендерных стереотипов в процессе репрезентации концепта «Schönheit» в немецком художественном дискурсе, мы пришли к следующим выводам:

1. Концепт «Schönheit» неразрывно связан с представлениями о молодости и здоровье при формировании как женского образа, так и образа мужчины. Процессы старения, физического увядания, приобретения заболеваний или увечий, хоть и естественны, но вызывают испуг и отторжение. Энергичность, сила, блеск во взгляде, наоборот, оцениваются положительно.

2. Концепт «Schönheit» связан, в первую очередь, с образом женщины. Красота, в некотором роде выступает как неотъемлемая составляющая концепта «женщина». При этом в зависимости от контекста, наиболее значимую роль играют различные признаки. Главенствующее место отведено внешним характеристикам. Тем не менее, ни в коем случае нельзя исключать

роль женского голоса, её запах, осязательное состояние её кожи и волос и даже вкус при формировании суждений о её привлекательности.

3. Поведенческая компонента также играет важную роль в формировании концепта «Schönheit». Для мужчины особое значение придаётся умению вести себя в обществе и выглядеть представительно, уверенно в себе, свободно. Женщине же, с одной стороны, допускается некоторая непосредственность в поведении, с другой – обществом поддерживается стереотип о ценности женской кротости и благочестивости.

4. Образ женской сексуальности, представления обнажённой натуры являются составляющим элементом «Schönheit». С точки зрения земных удовольствий, великая женская красота может служить даже причиной страданий. В то же время, женской красоте приписываются свойства святости, невинности и непорочности.

5. Любое оценочное суждение о женской или мужской красоте субъективно, базируется, с одной стороны на утвердившихся в обществе идеалах, а с другой – может существовать отдельно от них, и даже им противоречить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гендерные исследования в современной лингвистике служат лучшему пониманию и раскрытию взаимосвязи понятий «язык» и «человек». Несмотря на то, что бинарные оппозиции «женщина» и «мужчина» неотделимы друг от друга, их функционирование в языке имеет значительные различия. Здесь речь идёт как и о различиях между так называемым «языком женщин» и «языком мужчин», так и собственно о способах репрезентации концептов «мужчина» и «женщина» в языке.

Чтобы ответить, какую роль играет гендер при формировании смыслов в процессе оценочной категоризации в немецком языке, было важно понять, как гендерные стереотипы влияют на оценочность суждений в отношении представителей обоих полов.

Мы выявили, что для немецкого языка характерна некоторая гендерная асимметрия. Она имеет как чисто лингвистическое проявление (отождествление существительных «человек» и «мужчина», представление о «женском» языке, как об отклонении от «мужской» нормы), так и смыслообразующее. Например, в ряде пословиц закрепилось представление о женщинах как о чём-то «плохом», «неполноценном», «оказывающем дурное воздействие на мужчину». Выявлено, что количество негативно-оценочных высказываний по теме «женщина» преобладает над позитивными как среди авторов-мужчин, так и среди авторов-женщин. В отношении мужчин у авторов-женщин позитивно-оценочные высказывания практически отсутствуют, в то время как среди авторов-мужчин они преобладают над негативными. В отношении с существительным «Mann» чаще всего используются лексемы *stark / starkes Geschlecht, groß;* в то время как для существительного «*Frau*» - *schön, weiblich, emotional.*

Обратившись к художественной литературе как источнику смыслов в процессе оценочной категоризации и взяв за основу концепт «Schönheit», мы пришли к выводу, что оценочные суждения о мужчинах и женщинах в рамках данного концепта формируются неравнозначно. В процессе словарного анализа дефиниции «Schönheit» было выявлено, что одним из основных значений выступает следующее – *eine äußerlich schöne weibliche Person.* Фемининность концепта заложена уже в самой его дефиниции, её существенное преобладание в формировании смыслов при репрезентации концепта «Schönheit» прослеживается во всех анализируемых нами произведениях. Если при формировании мужских образов важную роль играют поведенческие особенности, умение держаться в обществе, то в отношении женщины оценке прежде всего подвергаются её внешние признаки, её привлекательность для представителей противоположенного пола. Для представителей обоих полов важными критериями оценки красоты являются молодость, энергичность, переполненность счастьем. Старость же расценивается негативно, ассоциируется с увяданием, потерей жизненных сил и внешней привлекательности.

Женское тело также может считаться красивым с точки зрения сексуальной привлекательности. Описание внешних характеристик чаще всего содержит в себе информацию о телосложении (*dünn / mager, klein / hochgewachsen*), о чертах лица (*noch zarteste Konturen und geheimste Stellen)*, о персональных «изюминках» (*tiefe Grübchen auf den Wangen)*. Оценка здесь может проявляться как открыто автором (*hübsch, häßlich, schön),* так и потенциально, самим читателем на основании соответствия или несоответствия определённых качеств принятым в обществе стандартам красоты. Большую роль в формировании смыслов в обоих случаях играет авторская метафора (*«sommersprossenübersprenkeltes Gesicht», «süß wie Nussöl»).*

Таким образом, гендерные стереотипы оказывают непосредственное влияние на формование смыслов в процессе репрезентации концепта

«Schönheit». Образ женщины выступает здесь в качестве концептуального признака, потому описанию и оценке женской внешности уделяется гораздо большее внимание, нежели мужской. Представители обоих полов рассматриваются как с внешней, так и с поведенческой позиций, однако роль данных критериев для мужчин и женщин неодинакова. Относительно женщин выдвигается больший спектр критериев оценки: внешность, запах, язык тела, сексуальность, благочестивость и др. Однако, так как оценка имеет субъективный характер, результаты оценки одного и того же объекта могут быть весьма противоречивыми.

Тем не менее, проводя исследование, мы опирались на художественные произведения исключительно авторов-мужчин. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении средств выражения оценочной категоризации и влияния гендера на формирование смыслов в произведении также авторов-женщин и в последующем сравнительном анализе механизмов выбора языковых средств у представителей обоих полов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова, Н.А. Феминизм & Лингвистика: монография / Н.А. Антропова – Чита: ЗИП СибУПК, 2010. – 114 с.
2. Арская, М.А. Семантическая категоризация эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке / М.А. Арская, / Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 Иркутск, 2002. – 185 с.
3. Белая, Н.В. О проявлении гендерных различий в языке / Н.В. Белая // Rhema. Рема. – 2009. – №3. – 97-102.
4. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. X: Категоризация мира в языке: кол. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 17-120.
5. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев –Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
6. Болдырев, Н.Н. Оценочные категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Типы знаний и проблемы их классификации. Вып. III. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 25-37.
7. Буряковская, А.А. Звонарева Ю. Н. Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов / А.А. Буряковская // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С. 448-453.
8. Васильева, И.Б. Гендер как социальная категория и её характеристики / И.Б. Васильева // Вестник РГУ им. И Канта. – 2007. – №3. – С.70-76.
9. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов − М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

10. Войченко, В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре / В.М. Войченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2009. – №1 (9). – С. 64-70.
11. Голубева, С.С. Лингвистическая маркированность гендера как социокультурной категории/ С.С. Голубева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2009. – №25. – С. 4-10.
12. Дзюба, Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании / Е.В. Дзюба– Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2015 – 286 с.
13. Дормидонтова, О.А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики/ О.А. Дормидонтова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. – С. 47-49.
14. Домашнев, А.И. Проблемы классификации немецких социолектов / А.И. Домашнев // Вопросы языкознания. – № 2. – 2001. – С. 65-68
15. Досанова, А.Ж., Нурмаханова, Ж.Б. Оценочная категоризация нравственных понятий на основе оценочных предикатов «ХОРОШО – ПЛОХО» / А.Ж. Досанова, Ж.Б. Нурмаханова // Вопросы когниитвной лингвистики. – 2015. – №1. – С. 50-54.
16. Жельвис, В.И. Лингвокультурная характеристика концепта «Красота»/ В.И. Жельвис // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – №1. – Том 1 (Культурология). – С. 16-20.
17. Зайнуллина, Л.М. К проблеме оценочной категоризации внеязыковой действительности / Л.М. Зайнуллина // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 1(I), том 17. – С. 480-485.
18. Иванина, Г.Н. Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке: дисс. … канд. филол. Наук / Г.Н. Иванина– М., 1984. – 197 с.
19. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А.В. Кирилина– М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.

20. Климова, Т.А. Отражение категории «гендер» в паремиологическом фонде разных языков/ Т.А. Климова // Язык. Культура. Образование. – 2017. –№2. – С. 13-17.
21. Кремер, Л.А. О проблеме взаимосвязи языка и гендера / Л.А. Кремер // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2017. – №2. – С. 280-286.
22. Коваль, И.И. Фразеологизмы, репрезентирующие концепт Schönheit в немецкой лингвокультуре / И.И. Коваль // Вестник челябинского государственного университета. – 2014. – №7 (336). – С. 165-168.
23. Кулигина, Т.И. Категория оценки и средства ее выражения в современном немецком языке: Автореф. дис. … канд. филол. Наук / Т.И. Кулигина– Ленинград, 1985 – 36 с.
24. Куклина, Т.В. Национально-культурные особенности и средства выражения оценки в русском и немецком языках/ Т.В. Куклина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова – Таганрог, 2015. – №2. – 411 с.
25. Летуновская, Н.В. Лексико-семантическая репрезентация концепта "красота" в немецком и русском языках : Дис. ... канд. филол. Наук / Н.В. Летуновская – Тамбов, 2005. – 173 с.
26. Маркелова, Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // НДВШ. Филологические науки. – 1995. − № 3. – С. 67−80.
27. Мелков, С.В., Кудрина, А.В. Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе / С.В. Мелков, А.В. Кудрина // Развитие личности. – 2016. - №3. – С. 165-168.
28. Погорелова, С.Д., Яковлева, А.С. Основные языковые средства выражения оценочного значения (на примере политических речей Отто фон Бисмарка) / С.Д. Погорелова, А.С. Яковлева // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 162-165.

29. Перегудина, В.А. Особенности возрастного становления гендерной идентичности / В.А. Перегудина // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2010. – №1. – С. 385-394.
30. Семухина, Е.А. Языковые категории и их типы. Модусные языковые категории / Е.А. Семухина // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма. – Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – С. 30-46.
31. Сергеева, Л.А. Проблемы оценочной семантики / Л.А. Сергеева– М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 140 с.
32. Серова, И.Г. Гендер как область-источник формирования смыслов в процессе оценочной категоризации / И.Г. Серова // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 189-198.
33. Слепко, Г.Е. Национально-культурные особенности реализации значения одобрения в различных языках (на материале русского, немецкого и английского языков) / Г.Е. Слепко // Лингвистические аспекты речевой культуры: межвуз. сб. науч. ст. – Тюмень, 2000. – С. 17-26.
34. Старостина, Ю.А. Концепты «Запах» и «Красота» в романе П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» / Ю.А. Старостина // Известия ВГПУ– 2009. – С. 164-168.
35. Филлипова, А.В. Нейтрализации гендера в языковой политике фрг и отражение этой тенденции в учебных пособиях по изучению немецкого языка как иностранного / А.В. Филлипова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2015. – №5. – С. 125-133.
36. Хачак, Б.М. Система функциональных проявлений полоролевых различий в языке / Б.М. Хачак // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – №2 (121). – С. 130-136.

37. Шаманская, М.А. Лексическая сочетаемость как средство репрезентации гендера в немецком языке/ М.А. Шаманская // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – №4 (12). – С. 46-50.
38. Шаманская, М.А. Языковая репрезентация концептов Mann и Frau : дис. ... кандидата филол. наук / М.А. Шаманская – Иркутск, 200. – 180 с.
39. Шевченко М.Н. Гендерные стереотипы / М.Н. Шевченко // Вестник амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – №48. – С. 173-176.
40. Hornscheidt, A. Sprache/Semiotik // Christina von Braun, Inge Stephan (Hrsg.) Gender@Wissen. Ein Handbuch der Gender-Theorien / A. Hornscheidt – Köln: Böhlau Verlag GmbH&Cie, 2009. – S. 220-238.
41. Schipper, M. Never marry a woman with big feet: Women in proverbs from around the world / M. Schipper– Amsterdam: University press, 2006. – 350 p.
42. Schoenthal, G. Feministische Linguistik – linguistische Geschlechterforschung. Ergebnisse, Konsequenzen, Perspektiven. (Germanistische Linguistik) / G. Schoenthal – Olms Verlag, 1998 – 365 S.
43. Schoenthal, G. Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik / G. Schoenthal // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. – 2009. –№3. – S. 296–314.
44. Venske, R. Thesen zu einer feministischen Rhetorik / R. Venske // Ein internationales Jahrbuch von Joachim Dyck, Band 4 – Stuttgart: Frommann-holzboog, 1980. – 258 S.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 4., neu bearbeite und erweiterte Auflage. Band 10. – Verlag: Bibliographisches Institut GmbH, 2010. – 1152 S.
2. Wortbedeutung.Info – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wortbedeutung.info (дата обращения: 12.04.2018).
3. Wahrig-Burfeind Renate. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. – Brockhaus, 2011. – 1730 S.
4. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dwds.de (дата обращения: 12.04.2018).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Bredel, W. Die Söhne / W. Bredel– Moskau, Verl. f. fremdsprachige Literatur, 1952. - 440 S.
2. Brüder Grimm. Schneewittchen – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/sneewittchen_schneewittchen (дата обращения: 19.03.2018).
3. Cladius, E. Von der Liebe soll man nicht nur sprechen/ E. Cladius – Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verl., 1980. – 514 S.
4. Kehlmann, D. Die Vermessung der Welt / D. Kehlmann – Reinbeck: Rowohlt Verlag GmbH, 2005. – S. 296
5. Noll, D. Die Abenteuer des Werner Holt. Bd. 1 / D. Noll – Berlin, Aufbau-Verl., 1981. - 563 S.
6. Schlink, B. Der Vorleser – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookscafe.net/read/schlink_bernhard-der_vorleser-230735.html#p1 (дата обращения: 19.03.2018).
7. Strittmatter, E. Der Wundertäter / E. Strittmatter – Moskau, Verl. f. fremdsprachige Literatur, 1962. - 593 S.
8. Süskind P. Das Parfum – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litlife.club/br/?b=100699&p=1 (дата обращения: 19.03.2018).